

Запись беседы представителя СССР в Чехословакии В. А. Антонова-Овсеенко с корреспондентом ТАСС о советско-чехословацких отношениях

Москва

31 июля 1926 г. *

Прибывший в Москву полпред СССР в Чехословакии т. Антонов-Овсеенко в беседе с сотрудником ТАСС в ответ на заданные ему вопросы сообщил следующее:

— Взаимоотношения наши с Чехословацкой республикой остаются до сих пор неопределенными. Это отражается и в экономической области. Торговые сношения все еще находятся в зародышевой стадии. В прошлом рекордном году ввоз в СССР из Чехословакии едва достиг 3% всего вывоза, а мы ввезли в Чехословацкую республику совсем на ничтожную сумму — десятые доли процента. (Правда, официальная статистика Чехословацкой республики не учитывает ввоза нашего льна через Ригу или Гамбург и нашего марганца через германские фирмы. Но в общем торговые отношения мизерны). Здесь препятствием, является не только неурегулированность дипломатических отношений, но и политика крупнейших банков Чехословацкой республики¹, а также и полная инертность ее правительства в этой области. Между тем промышленность Чехословацкой республики до крайности нуждается во внешних рынках и именно теперь вступила в полосу серьезнейшей депрессии. А по всем данным она могла бы рассчитывать на весьма почтенное место в нашем импорте.

— Вы спрашиваете, как обстоит дело с так называемым «признанием»? Насколько я могу понять, для Чехословацкой республики вопрос установления нормальных отношений с нами скорее вопрос не политического, а, так сказать, психологического порядка. Наши переговоры уперлись формально в нежелание правительства Чехословацкой республики отказаться от требования удовлетворить претензии ее граждан, пострадавших от русской революции. Эти претензии исходят от каких-нибудь 1000—1500 человек и могли бы быть покрыты ничтожной суммой (близкой к 10 млн. черв. руб.). Наш контрсчет, вполне обоснованный, вытекающий из интервенции чехословацких легионов, во много раз превышает счет «чехов и словаков из России». Но мы не захотели быть «шейлоками» в отношении чехословацкого народа, мы не в пример другим кредиторам проявили величайшую уступчивость, величайшую готовность расчистить почву для дружественных отношений обоих народов — мы заявили о нашем согласии отказаться от всех наших претензий к Чехословацкой республике.

Чехословацкое правительство оказалось неспособным пойти на подобный дружественный жест, не приняло нашего предложения полного взаимного аннулирования претензий². Ничтожные по размерам требования «чехов и словаков из России» остаются формальным препятствием к взаимному «признанию». И это свидетельствует об известной психологической неподготовленности определенных кругов Чехословакии к примирению с таким фактом, как существование нашего СССР.

Психологическая неподготовленность правящих кругов Чехословацкой республики к правильному подходу связана, конечно, с известной

* Дата опубликования.

их близостью к русской белогвардейщине. Проявляется она на каждом шагу. Напомню из наиболее крупных ее проявлений решение высшего суда по делу о нашем земельном участке в Праге (признание прав на участок за «опекуном царского правительства»), весьма характерное единоголосное решение цензурного комитета запретить фильм «Дворец и крепость»³ (за «тенденциозные нападки» на бывшую монархию), недавнее резкое антисоветское выступление в «Руле» Клофача, председателя чехословацкого сената, лидера партии чешских социалистов⁴.

— Вы напоминаете о работе Общества сближения с новой Россией?⁵ Да, это общество много сделало для культурного сближения обеих стран. Но чрезвычайно характерно, что это общество охватывает лишь известную часть внепартийной радикальной интеллигенции, а круги, близкие к Министерству иностранных дел и социалистическим партиям, не говоря уже о членах остальных буржуазных партий, не желают иметь с ним никакой связи. По известным соображениям партийного порядка социалисты, за индивидуальными исключениями, проявляют полное нежелание сколько-нибудь объективно отнестись к СССР. По этим же соображениям они не способны ни на какую инициативу в вопросе «признания».

Сквозь пленку этой психологической неподготовленности и этих партийных предрассудков и расчетов крайне трудно пробиться подлинной правде о нашей стране. Но все же она пробивается, и сознание необходимости установления отношений, способных сблизить к обоюдной пользе обе страны, все крепнет в передовой чехословацкой общественности и у наиболее культурных представителей ее промышленности.

Беседы с выдающимися деятелями Чехословацкой республики и в особенности недавняя беседа с президентом проф. Масариком меня убеждают, что наша работа в пользу культурного и экономического сближения обеих стран должна в недалеком будущем все же дать определенные конкретные результаты.

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. IX. М., 1964, с. 378—379.

¹ См. док. 202, 203, 208.

² См. док. 168, 171, 172, 175.

³ Кинофильм «Дворец и крепость» был запрещен чехословацкой цензурой 3 мая 1926 г. О запрещении сообщалось в «Вестнике Министерства внутренних дел Чехословацкой республики» от 15 сентября 1926 г. Однако причины не указывались. В период с 1922 по 1931 г. были запрещены 24 советских художественных фильма, т. е. 22% всех художественных фильмов, ввезенных в этот период из СССР. Всего было ввезено 110 фильмов. В 1925 г. был запрещен фильм «Агония дома Романовых». В 1926 г. были запрещены три советских фильма, среди них известный фильм режиссера Вишневского «Великая трагедия России», посвященный событиям кровавого воскресенья 1905 года. Позднее цензура запретила демонстрацию фильмов Пудовкина «Мать», «Конец С.-Петербурга», Эйзенштейна «Десять дней, которые потрясли мир» и других. Помимо запрещения, цензурные ножницы бесцеремонно изуродовали ряд других, допущенных к демонстрации советских кинематографических произведений (например, фильмы Пудовкина «Потомок Чингисхана», Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин» (см. док. 216), Довженко «Арсенал».

⁴ См. док. 204.

⁵ См. док. 95, 98, 108, 141, 153, 165, 190, 196.